

Лату Максим Николаевич

ОТРАЖЕНИЕ ОБЫДЕННОГО И МИФОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ "ВИДЕНИЕ", "СКОТ")

Публикация посвящена реконструкции концептуальных связей в рамках отдельных фрагментов праиндоевропейской картины мира на основе развития семантики производных праиндоевропейских корней и их значений. Рассматриваются особенности представления реконструируемых концептуальных связей, отражающих как быденное, так и мифологическое знание, на языковом уровне. На примере концептов ВИДЕНИЕ и СКОТ описываются концептуальные связи, сохранившиеся и утраченные в когнитивной и языковой картинах мира. Описываются некоторые особенности восприятия элементов, их взаимодействия и категоризации, нашедшие отражение в праиндоевропейском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/2/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 124-128. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.1/2

Филологические науки

Публикация посвящена реконструкции концептуальных связей в рамках отдельных фрагментов праиндоевропейской картины мира на основе развития семантики производных праиндоевропейских корней и их значений. Рассматриваются особенности представления реконструируемых концептуальных связей, отражающих как обыденное, так и мифологическое знание, на языковом уровне. На примере концептов ВИДЕНИЕ и СКОТ описываются концептуальные связи, сохранившиеся и утраченные в когнитивной и языковой картинах мира. Описываются некоторые особенности восприятия элементов, их взаимодействия и категоризации, нашедшие отражение в праиндоевропейском языке.

Ключевые слова и фразы: картина мира; праиндоевропейский язык; когнитивная связь; концепт; обыденное знание; мифологическое знание; концепт ВИДЕНИЕ; концепт СКОТ.

Максим Николаевич Лату, к. филол. н.

Кафедра западноевропейских языков и культур

Пятигорский государственный лингвистический университет

Laatuu@yandex.ru

**ОТРАЖЕНИЕ ОБЫДЕННОГО И МИФОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТИНЫ МИРА
(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ «ВИДЕНИЕ», «СКОТ»)[©]**

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Комплексное изучение и реконструкция праиндоевропейской картины мира, моделирование структуры и исследование ее динамики в русском, английском и испанском языках», выполняемого по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (соглашение № 14.В37.21.0529).

Процесс познания неразрывно связан с формированием умозаключений, суждений и связей между смыслами, которые складываются в сознании в структуры и системы структур. Такие связи неизбежно находят отражение в языке и в первую очередь во внутренней форме лексических единиц. С течением времени некоторые когнитивные связи между составляющими картины мира могут утрачивать свою актуальность и исчезать, в том числе и из языковой картины мира, другие, исчезнув из концептуальной картины мира, сохраняются на языковом уровне, третьи, возникнув на самых ранних этапах становления картины мира, сохраняются и в концептосфере, и в семантическом пространстве языка, создавая прочную основу картины мира. Одновременно с этим некоторые связи могут быть потеряны или, наоборот, сохраняются в большинстве языков или каких-либо конкретных языках. Вопросы динамики картин мира родственных языков поднимают проблему формирования и вербализации новых формирующихся когнитивных связей во временной плоскости. Реконструкция праиндоевропейской языковой и концептуальной картин мира как раз подразумевает изучение всех типов связей, их особенностей и продолжения в родственных языках.

Поскольку языковая картина мира вербализует концептуальную картину мира, то изучение семантического пространства праиндоевропейского языка и реконструкция модели праиндоевропейской картины мира позволит, с одной стороны, проанализировать особенности восприятия и познания действительности той далекой поры, членение ее на отдельные составляющие и их систематизацию, а с другой стороны, описать языковую и когнитивную структуры, ставшие фундаментом для развития картин мира родственных индоевропейских языков, что позволит изучить их динамику, механизмы изменения, сходства и различия их структур. Несомненным является тот факт, что концептуальная картина мира всегда шире и объемней, чем языковая картина мира, поскольку далеко не все составляющие концептосферы находят отражение в языке [6, с. 55]. В этой связи вполне логично полагать, что на языковом уровне вербализуются важные аспекты и составляющие концептосферы, поэтому мы присоединяемся к мнению лингвистов, показавших, что коммуникативная значимость языковой единицы связана с ценностью выражаемого ей концепта для культуры и народа [3, с. 13-15].

При отсутствии широкого спектра языкового материала (метафоры, идиомы, фразеология и др.), используемого для изучения составляющих современных картин мира, реконструкция праиндоевропейской картины мира возможна на основе семантики праиндоевропейского корпуса лексических единиц. Посредством этимологического анализа создается возможность исследовать семантику праиндоевропейских корней и их производных в праиндоевропейском языке и дочерних языках. Единицы с близким значением в корпусе праиндоевропейских корней условно формируют семантические поля, вербализующие тот или иной фрагмент картины мира. При этом когнитивные связи, формируемые между смыслами, закрепляются во внутренней форме лексических единиц и семантике их производных. С данной точки зрения, процессы деривации в языке можно рассматривать как когнитивный механизм. Существенно важным является и то, какие

вторичные значения формируются на основе первичного значения праиндоевропейского корня. При этом развитие базового значения отражает процесс формирования в сознании когнитивной связи между фрагментами картины мира.

Обратимся к конкретному языковому материалу. Наиболее наглядно проиллюстрировать вышеизложенные положения представляется возможным на примере концептов ВИДЕНИЕ и СКОТ, являющихся важными составляющими праиндоевропейской картины мира. Концепт ВИДЕНИЕ формирует весьма устойчивые связи, отражающие взгляды древних на особенности зрительного восприятия окружающей действительности и получившие развитие в дочерних картинах мира родственных языков.

Так, одной из базовых когнитивных связей в праиндоевропейской картине мира можно признать связь между концептами ВИДЕНИЕ – ЗНАНИЕ. В праиндоевропейском семантическом пространстве языка концепт ВИДЕНИЕ представлен рядом корней: **sekw* – «видеть» (первоисточник лексемы *to see* в английском языке), **weid-/woid-/wid-*, **wer-/wor-/wōr-* – «смотреть» [7; 9] и др. При этом одним из ведущих следует признать праиндоевропейский корень **weid-/woid-/wid-* со значением «видеть, замечать», поскольку он и сегодня представлен, а также имеет множественные производные в языковых картинах мира дочерних родственных языков. Равно как и в некоторых других индоевропейских языках, в русском языке на основе значения этого корня также развилось значение «знать», представленное лексемой **ведать**, тем самым, формируя когнитивную связь между смыслами зрительного восприятия и приобретения знаний. О представленности данной связи в структуре праиндоевропейской картины мира свидетельствует и тот факт, что в некоторых дочерних языках сохранились родственные лексемы, вербализующие оба значения, например, в греческом, русском (**видеть**, **ведать**); языки, где реализовано значение «*видеть*», например, латинском (**vidēre**), испанском (**ver**); языки, где реализовано значение «*знать*», например, санскрит, немецкий (*wissen*), английский (**to wit**). Здесь необходимо заметить, что лексема *to view* – «оглядывать, осматривать, видеть» – в английском языке является заимствованием из англо-норманского диалекта и восходит к латинскому глаголу *vidēre*. Примечателен тот факт, что в прагерманском языке еще были представлены формы **witanan* – «знать», соответствующая праславянской **vědati* и **witjan* – «видеть», соответствующая праславянской **videtu*. Последняя, очевидно, не получила развития в английском и немецком языках, однако следы вербализуемой когнитивной связи можно найти в некоторых других германских языках, например, готском: *witan* – «смотреть за кем-либо». Таким образом, различная представленность данных значений в родственных языках свидетельствует об их формировании еще на этапе существования общего праиндоевропейского языка. Тем самым процесс зрительного восприятия осознавался и воспринимался как важный источник получения знаний, а производные праиндоевропейского корня отражают на языковом уровне смысловую связь «*видеть, значит, обладать знанием*». При этом становится очевидным, что из всех процессов чувственного восприятия видение (а не слух, обоняние, осязание или вкусовое восприятие) занимает доминирующую позицию в получении информации о мире, что и нашло подтверждение в праиндоевропейской языковой картине мира. Несомненно, данная когнитивная связь сохраняется и в современном понимании (сравним, например, «*лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*», «*a diagram is worth many words*», *рассматривать* в понимании «изучать», «*más ven cuatro ojos que dos*» – «ум хорошо, а два лучше», что буквально переводится, как «четыре глаза видят больше, чем два» и др.).

Можно также отметить и ряд дополнительных особенностей, связанных с вербализацией данной когнитивной связи в родственных языках. Так, в санскрите и испанском (латинском) представлены родственные лексемы, вербализующие только один из смыслов в связке – ВИДЕНИЕ. В германских языках преимущественно вербализуется смысл ЗНАНИЕ. Так, относительно недавно в староанглийский период в значении «знать» использовался глагол *witan*, в современном языке он представлен формой *to wit* – «ведать, знать, узнать». Родственными ему являются лексемы **wit** – «разум», **wise** – «мудрый, знающий». Интерес в этой связи представляет то, что глагол *to wise* имеет также значение «узнать, увидеть, подметить». По этой причине, вероятно, можно говорить о вторичной вербализации данной концептуальной связи в семантике производных данного корня в рамках англоязычной картины мира. В пользу этого говорит и наличие других производных лексем, например, эквивалента лексемы **свидетель**, во внутренней форме которой лежит глагол «видеть», **witness**, являющийся производной от лексемы *wit*, где дача показаний предполагает наличие знаний, полученных посредством зрительного восприятия.

Смысловая связь между «видением» и «знанием, разумом» приобретает еще большую значимость, если принимать во внимание, что эквивалентом существительного **wit** в русском языке выступает слово **разум**, которое восходит к форме праиндоевропейского глагола со значением «слышать». Таким образом, данный факт может указывать, что в широком смысле понимание разума как наличия знаний и способности мыслить в первую очередь основывалось на восприятии реальности посредством органов чувств.

В качестве еще одного примера можно привести праиндоевропейский корень **wer-/wor-/wōr-* – «смотреть», «обращать внимание» [9]. Так, в греческом, латинском языках производные реализуют значение «смотреть», лексема *vereri* в латинском языке имеет значение «смотреть со страхом», производным этого корня в английском языке является *aware* – «знающий, осведомленный» (*to be aware* – «знать, осознавать»).

Концепт ВИДЕНИЕ также обнаруживает еще одну устойчивую связь с концептом СБЕТ. Рассмотреть ее можно на основе значений производных праиндоевропейского корня **ghel-/g'hel-* – «блестеть, сверкать», представленного лексемами **глядеть** и **взгляд**, **зреть** и **зрение**, а также **заря** (начало светлого времени суток) в русском языке и **целым гнездом** в английском, среди которых наиболее близким по значению выступают

существительное и глагол *glare* – «ослепительно сверкать; ярко светить, ослепительный, яркий свет; сияние; блеск, пристально или сердито смотреть, острый, пронизательный взгляд; огонь во взгляде» [7; 9]. Как видно, последнее имеет целый ряд значений, наиболее поздними из которых являются соотносимые с русскими словами. Логично будет заключить, что понятие «зрительного восприятия» тесно соотносится и является развитием смыслового пространства «сверкания, блеска, свечения». Идентичное развитие значения можно встретить и в других индоевропейских языках. Обращают на себя внимание некоторые аспекты динамики. Например, значения «серdito смотреть, пронизательный взгляд» у *glare* зарегистрированы с 1667 года. Значение «беглый взгляд» лексемы *glimpse*, продолжающей прагерманскую **glīm-/glaim-/glim-* – «свечение, сияние», появляется немногим раньше в 1579 году. Значение глагола *glint* – «поглядывать, посматривать» отмечается с 1250 года, тогда как само слово считается заимствованием из скандинавских языков, где родственные ему слова представлены в значениях «сверкать, светиться». Другие современные значения *glint* – «вспышка, сверкание; яркий блеск, вспыхивать, сверкать; ярко блестеть», также являются развитием исходного смысла. Значение «смотреть во все глаза, глазеть» глагола *to glow* также развилось на основе «блестеть, сверкать». В староанглийском оно представлено формой *glōwan*, производной от прагерманской **glō-* с тем же значением. При этом, конечно же, нельзя не учитывать родственные слова, которые сохраняют значение праиндоевропейского корня: например, соотносимое с *glimpse* слово *glisten* – «искриться; сиять; блестеть, сверкать, блеск, отблеск, сверкание», образованное от прагерманской формы **glē-*, также как и *glitter* – «блестеть, сверкать, богатство, помпа, пышность, роскошь», *gleam* – «слабый свет, светиться; мерцать; испускать, излучать», *glimmer* – «мерцание; тусклый свет». В этой связи в современном русском языке обращают на себя выражения «*глаза горят, сияют*», «*блеск в глазах*», и др.

В рамках праиндоевропейской картины мира отдельные концепты формировали связи с другими ее составляющими не только на основе обыденного опыта (как было проиллюстрировано на примере концепта ВИДЕНИЕ), но также и мифологического восприятия действительности. Так, например, имена некоторых видов животных отражали непосредственный опыт взаимодействия с ними человека, тогда как имена других, а также понятия, соотносимые с ними, наполнялись мифическим содержанием и табуировались на языковом уровне. Установлено, что образ жизни праиндоевропейцев был тесно связан с разведением рогатого скота, выполнявшего разные хозяйственные функции. Корова использовалась как «дойное животное», а также при возделывании земель и перевозке грузов [8]. Ввиду своей особой значимости образ коровы и молока играли магическую роль в представлении праиндоевропейцев [2].

Как справедливо указывает Л. В. Бабина, именно необходимость адекватно отразить изменяющуюся по тем или иным причинам картину мира приводит к тому, что язык находится в постоянном движении [1, с. 11]. Так, в рамках праиндоевропейской картины мира определенные ментальные структуры формируют между собой связи, которые впоследствии были утрачены в силу различных причин, в частности, изменений системы взглядов и восприятия действительности, условий или актуальности. При этом в современных языках в подавляющем числе случаев они представляются неочевидными, а внутренняя форма лексем, которая могла бы указать на наличие смысловой связи, нечитаемой. Так, например, в соответствии с мифологическими представлениями праиндоевропейцев, некоторые биологические виды, например, *рогатый скот*, некоторые *насекомые* и пресмыкающиеся (если быть точным, *ползающие по земле существа*, например, змея, червь и др.) имели огненную символику [5].

Когнитивная связь ОГОНЬ – СКОТ находит отражение в языке посредством праиндоевропейских корней со значением «огонь», которые послужили основой для вербализации видов рогатых животных. Например, согласно М. М. Маковскому, от праиндоевропейского корня **keu-* – «гореть» образована лексема **go uo-* [Там же] / **gwou-s* – «корова», «крупный рогатый скот» [7; 9], к которой восходят лексемы *cow*, *beef* в английском и *Kuh* в немецком, а также лексема *говядина* в русском. В праславянском языке форма **zovedina* – «относящаяся к крупному рогатому скоту» является производной от **zovedo* – «крупный рогатый скот, бык», в свою очередь, образованной при помощи суффикса *-edo-* от основы **zov-/zu-*. Лексема *beef* является заимствованием из древнефранцузского, и восходит к латинской лексеме *bōs* (винительный падеж - *bovem*). Считается, что звук «*b*», представленный в вариантах слова и в других индоевропейских языках, развился из сочетания «*gi*». Праиндоевропейский корень **ag-/eg-*, к которому предположительно восходит лексема *огонь* в русском языке, имеет множественные производные для обозначения вышеупомянутых животных, например, *агний*, *ягненок* в русском языке, *pecus* – «скот» в латинском языке, *stag* – «олень» [Там же]; корень **uak-* – «гореть», к которому восходят древневерхненемецкая лексема *wahan* – «гореть», и *vacca* – «корова» в латинском и испанском; корень **ker-* – «гореть», лежащий в основе лексемы **ker* со значением «рог» [Там же], представлен в лексемах *корова*, *серна* в русском языке, *horn* – «рог» в английском, а также греческом языках. Согласно М. М. Маковскому, русское слово *скот* восходит к корню **skeut-* со значением «гореть» [Там же].

Когнитивная связь ОГОНЬ – ИЗВИВАЮЩЕЕСЯ СУЩЕСТВО представлена корнем **uer-* – «гореть», с которым соотносятся лексемы *worm* – «червяк» в английском языке и *waurms* – «змея» в готском. Как и латинская форма *vermis* – «червь, гусеница», так и английское слово *worm* являются продолжением индоевропейской основы. В этой связи также интересно ее родство со словом *vermin* – «паразиты, вредители (о насекомых)», образованное от той же самой лексемы *vermis*. Заметим, что в древнеанглийском наряду с «червь» лексема также имела значения «змей, дракон». Сходные смысловые корреляции можно найти и в других индоевропейских языках. В современном английском значение «червь» расширилось до «гусеница, глист, личинка». Еще один пример корень **per-*, лежащий в основе лексемы *fire* в английском языке, от которого берут начало

лексемы *Pier* – «земляной червь» и *vipera* – «гадюка», где *vi-*, согласно М. М. Маковскому, – табуирующее отрицание. Такое развитие смысла в производных свидетельствует об особенностях категоризации фрагментов действительности и единстве восприятия извивающихся существ: змеи, червя, гусеницы и др.

Вербализаторами когнитивной связи ОГОНЬ – НАСЕКОМЫЕ можно считать производные корня **uak-* «гореть», который представлен в древнеанглийском лексемой *wicga* – «насекомое» [Там же]. В этой связи целесообразно упомянуть и о весьма устойчивой связи в структуре праиндоевропейской картины мира СКОТ – НАСЕКОМЫЕ. Так, лексема **жук** в русском языке восходит к тому же корню, что и **говядина** со значениями «относящийся к коровам и быкам, навозный». Считается, что праславянская форма лексемы **пчела** **бъчела* происходит от лексемы **быкъ*. Если это так, и если принять во внимание родство лексем **пчела** и *bee*, **бык** и *bull*, на которое указывают американские этимологи, то тогда данная связь вербализуется и в английском языке. Еще одним примером в русском языке является лексема **овод**, праславянская форма которой **овадь* происходит от **овьца* (**овца**) [7]. При этом стоит отметить, что данная связь является односторонней, когда именно насекомые соотносились с домашним скотом, а не наоборот. Примечательно и то, что в современном языке во внутренней форме некоторых зоонимов сохраняется смысловая связь между насекомыми и рогатыми животными, например, **божья коровка**, **жук-коровка северная**, **жук-коровка черная**, **жук-олень**. Думается, что в данном случае в основе терминологической номинации сегодня лежит сформировавшаяся на основе данной связи языковая модель, которая впоследствии расширилась и распространилась на всех животных, например, **клоп-черепашка**, **жук-носорог** и др. Существование данной модели вполне отражает преемственность научного знания, которая проявляется при терминологической номинации, что отмечалось нами в предыдущих работах [4].

В этой связи целесообразным также было бы обратить внимание на тот факт, какие формируются в сознании связи, отражающие восприятие взаимодействия между конкретными видами животных. Так, например, лексемы **волк**, *wolf*, *lupus*, *lobo* (в русском, английском, латинском и испанском, соответственно) являются исторически родственными лексемам **лиса**, *vulpēs*, а также *vulpine* – «лисий», *vulpecula* – «лисичка» в английском языке и продолжениями праиндоевропейского сложного слова **ul-pk'* – «хитрый хищник», буквально «похищающий (влекущий)» + «выдергивающий» [7]. Следовательно, образы и волка, и лисы соотносились и объединялись в сознании древних, формируя когнитивную связь, полученную посредством обыденного опыта восприятия повадок животного. Это подтверждается тем, что, в конечном счете, единое имя для этих видов животных восходят к корню **wlk-* – «влекать, тащить». На основе этого имени в других индоевропейских языках также возникли лексемы со значениями «дикая кошка», «шакал».

Примечательно то, что роль волка в индоевропейских традициях была весьма значительной и впоследствии была ярко представлена в обрядах древних германцев. Человеческий социум ассоциировался с волчьей стаей, как символом единения, ритуальное облачение в волчью шкуру предполагало обретение сакрального знания, существовал ритуал превращения человека в волка. Так, название этого животного встречается во многих именах собственных, например, *Ulfila*, а также топонимах [2]. В английском языке лексема **werewolf** – «оборотень», представляет собой сложное слово, где первый элемент *wer* имел значение «человек». Таким образом, можно реконструировать связь, устанавливаемую с концептом ЧЕЛОВЕК, которая нашла отражение как в языке, так и в фольклоре. К другим формируемым связям относятся также ЗНАНИЕ, КОЛДОВСТВО, СИЛА. Весьма любопытной представляется связь с концептом МЕДВЕДЬ, на что указывают некоторые обряды, например, совместные ритуальные пляски в волчьих и медвежьих шкурах, имена собственные и эвфемистические названия медведя, например, *Beowulf* – «пчелиный волк».

Одной из наиболее очевидных связей, которая существовала в праиндоевропейской картине мира, была СКОТ – ИМУЩЕСТВО. Тогда «состояние измерялось количеством домашнего скота» [8, р. 55], который также, по-видимому, реализовывал функцию денежных средств. Так, например, праиндоевропейский корень **peku-* представлен в древнепрусском, санскрите со значением «скот». В латинском языке производными лексемами являются *pecus* – «скот» и *pecūnia* – «деньги», в современном испанском языке сохраняются лексемы *pecuario* – «скотоводческий», *peculio* – «личные средства», *peunia* – «деньги, монета». В староанглийском лексема *feoh*, являясь продолжением прагерманской **feHu*, использовалась в значениях «скот», «имущество», «деньги». Сегодня лексема *fee* означает «гонорар, плату за услуги» [9]. В древнерусском лексема *скоть* означала «скот, имущество, подать» и поэтому является родственной лексеме *skatts* «деньги» в готском и *Schatz* «богатство» в немецком [7]. Предположительно, в английском языке родственной лексемой является *scouth* – «обилие, богатство» [5, с. 206]. Показательно, что в современном английском языке лексемы *cattle* – «скот» и *chattel* – «движимое имущество» восходят к лексеме *capitale* – «имущество» в латинском языке, тем самым вербализуя обратный вектор связи, представленной в ПКМ [9].

Таким образом, в структуре когнитивной картины мира праиндоевропейцев наивная и мифологическая картины мира тесно переплетались и порой накладывались друг на друга. При этом концептуальные связи формировались как на основе обыденного, так и мифологического знания. Важным является тот факт, что такие связи могут быть достаточно прочными, чтобы сохраняться в современных картинах мира родственных языков, как было показано на примере концепта ВИДЕНИЕ, а также формировать языковые модели, используемые при номинации. Связи концепта СКОТ демонстрируют особенности соотношенности в сознании древних разных видов животных, существование одностороннего и двустороннего векторов связи и возможность объединения в рамках одного концепта обыденного опыта и мифологического восприятия действительности.

Список литературы

1. Бабина Л. В., Дьякова Л. Ю. Исследование семантики сложных слов V+N в рамках когнитивного подхода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 1 (12). С. 11-13.
2. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. 1328 с.
3. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов. Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
4. Лату М. Н. Отражение преемственности научного знания при создании единиц специализированной лексики // Молодой ученый. Чита, 2011. № 10 (33). Т. 2. С. 18-21.
5. Маковский М. М. Индоевропейская этимология: предмет – методы – практика. М.: Либроком, 2009. 352 с.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
7. Этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. / сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта; Наука, 2010. 584 с.
8. Algeo J., Pyles T. The Origins and Development of the English Language. Wadsworth Publishing, 2010. 368 p.
9. Chambers dictionary of etymology / ed. by Robert K. Barnhart. Edinburgh: The H.W. Wilson Company, 2008. 1284 p.

**REPRESENTATION OF COMMON AND MYTHOLOGICAL KNOWLEDGE IN
CONCEPTUAL RELATIONS OF PROTO-INDO-EUROPEAN PICTURE OF THE WORLD
(BY THE EXAMPLE OF CONCEPTS “VISION”, “CATTLE”)**

Maksim Nikolaevich Latu, Ph. D. in Philology
Department of West-European Languages and Cultures
Pyatigorsk State Linguistic University
Laatuu@yandex.ru

The author reconstructs the conceptual relations within the framework of individual fragments of proto-Indo-European picture of the world basing on the semantics of proto-Indo-European roots derivatives and their meanings, considers the features of conceptual relations representation, which reflect both common and mythological knowledge on language level, by the example of concepts VISION and CATTLE describes conceptual relations, preserved and lost in cognitive and language pictures of the world, and also describes some features of elements perception, their interaction and categorization reflected in proto-Indo-European language.

Key words and phrases: picture of the world; proto-Indo-European language; cognitive relation; concept; common knowledge; mythological knowledge; concept VISION; concept CATTLE.

УДК 811.512.145

Филологические науки

В данной статье две морфологические категории татарского языка анализируются с точки зрения их влияния на референциальный статус именной группы в свете концепции невозможности выражения пространственной референции именными категориями. Обе категории признаются неспособными детерминировать определенный референциальный статус и допускающими возможность неререференциального статуса.

Ключевые слова и фразы: референция; именная группа; грамматическая категория; принадлежность; сказуемость.

Гюльнара Фирдавиевна Лутфуллина, д. филол. н., доцент

Ирина Владимировна Марзоева, к. филол. н.

Кафедра иностранных языков

Казанский государственный энергетический университет

glutfullina@mail.ru

**ПОТЕНЦИАЛ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СКАЗУЕМОСТИ
В ВЫРАЖЕНИИ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ИМЕННОЙ ГРУППЫ
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Татарский язык характеризуется явлением агглютинации. Агглютинация – это способ слово- и формообразования, при котором к основе или корню, в преобладающем количестве случаев сохраняющему стабильный звуковой состав, присоединяются однозначные стандартные аффиксы. Аффиксы следуют один за другим в определенной иерархической последовательности. Фиксированный порядок расположения аффиксов относительно корня и невозможность их перестановки определяют строгие правила позиционного следования